

*К 80-летию прорыва блокады
Ленинграда и разгрома немецко-
фашистских войск в Сталинградской
и Курской битвах!*

*Воздушным рабочим войны посвя-
щается!*

*Вечная память героям, павшим
в боях за нашу советскую Родину!*

Пролог

Термометр, на котором я кое-как сфокусировал взгляд, ожидаемо не обрадовал. Температура не только не спадала, а наоборот, поднялась до 40,3 градуса, хотя я и проглотил полчаса назад горсть таблеток. Проклятая ковидла всё же достала меня, несмотря на вакцинацию. А как нам из всех утюгов трещали, что, мол, уколись и спи спокойно. Ага, спи спокойно, дорогой товарищ. Мы тебя никогда-никогда не забудем. Вот фиг его знает: может, если бы не укололся, то и не заболел бы? Хотя тут можно гадать, как на кофейной гуще.

Звонок в скорую тоже успокоения не принёс. Все машины на вызовах, и когда хоть одна освободится, то сразу приедут, а пока ждите. Короче, как только, так сразу.

Собравшись с силами, с трудом доковылял до входной двери и повернул защёлку замка. Теперь дверь смогут открыть снаружи, если у меня не будет сил встать. Плохо всё же жить одному. Как говорится, и кружку воды подать некому. Жена уехала на дачу, а дети давно уже поразъехались кто куда. Нет, супруга порывалась вернуться, но я категорически запретил: ещё тоже заразится. На даче сейчас куда как безопаснее в этом плане. Я бы и сам с ней уехал, да дела заставили остаться в городе.

Фух! Вроде и прошёл туда-сюда несколько шагов, а сил уже нет, сердце бешено колотится в груди, и голова кружится. Похоже, отлетелся ты, Илья Александрович Силаев, пятидесяти восьми лет от роду, подполковник запаса, военный лётчик, неоднократный призёр российских и международных соревнований по высшему пилотажу, а также любящий муж и отец двух дочерей и сына.

Нет, надо прилечь и постараться уснуть. Сон — лучшее лекарство. Когда врачи на скорой приедут и позвонят в дверной звонок, то всяко их услышу, а уж зайдут они и сами.

Я уснул, и мне снился странный сон, будто бы я — это не я. Вернее, не совсем я. Вернее, даже не только я, но и кто-то другой. В общем, сплошной бред, наверное, вызванный высокой температурой. Но очень уж реалистичный бред. Я знал наверняка, что я пятидесятивосьмилетний военный пенсионер Илья Александрович Силаев, и одновременно я был двадцатидвухлетним авиатехником Ильёй Андреевичем Копьёвым, буквально полгода назад призванным в армию.

Вся жизнь молодого парня пронеслась у меня перед глазами. Детский дом на окраине Саратова, работа на заводе, учёба в ФЗУ¹, аэроклуб, в котором он не только с удовольствием учился летать на биплане У-2, но и любил копаться в моторах, повестка в военкомат, где он упросил военкома направить его на службу в ВВС. И вот не успел он после краткосрочных курсов авиатехников приехать в полк, как началась война, которая идёт уже целых десять дней.

Так, просматривая воспоминания своего тёзки, я вдруг ощутил, что моё сознание всё больше и больше погружается в личность Копьёва. Не самое приятное ощущение, и поэтому я сделал попытку вырваться из этой трясины чужой памяти. Однако ничего не получалось. Собрав все свои силы, я рванул, как мне показалось, вверх, и вдруг всё вокруг меня будто бы просочилось друг в друга и закружилось в цветном хороводе, перемешиваясь и создавая новую личность, обладающую памятью и опытом обеих личностей-доноров.

¹ФЗУ — фабрично-заводское училище.

Глава I

ОГНЕННЫЙ РАССВЕТ. ПЕРВЫЙ БОЙ

Меня довольно ощутимо потрянуло. При этом тело я не ощущал от слова «совсем». Это что же, меня парализовало, что ли? Вновь потрянуло, и тут же ещё раз, но уже сильнее. Похоже, что скорая всё же добралась до меня, и теперь меня везут в больницу, а машину немилосердно подбрасывает на колдобинах. Да и водитель тоже, блин, молодец. Не на лесовозе же дрова везёт, мог бы и объехать ямы или переезжать их поаккуратнее.

Вновь потрянуло. Странно, что я не слышу звуков. Вернее, слышу, но как-то словно сквозь вату. Гром какой-то. Хотя какой гром может быть в марте месяце? Да и странный этот гром. Не раскатистый во всю ширь небосвода, а резкий и хлёткий, словно... Взрыв?!

От пронзившей меня мысли я вздрогнул и в тот же миг ощутил своё тело. Из ушей тоже словно вынули затычки, и звуки заполнили сознание. Взрывы, рёв авиамоторов (уж этот звук я ни с каким другим не спутаю), треск пулемётных очередей. Ё-моё! Да что тут вообще происходит-то?! И почему я полужасыпан землёй?

Попытался пошевелиться, и это у меня получилось. Наконец-то смог протереть глаза и открыть их. И первое, что я увидел, были руки. Грязные, в земле и... не мои, хотя я и ощущал их своими. И тут меня пронзила мысль, что тот сон-бред был не таким уж и бредом. Получается, я умер и моё сознание слилось с сознанием этого паренька из прошлого, который, очевидно, тоже умер, погибнув под этой

бомбёжкой (а ничем иным происходящее вокруг быть не могло). И почему-то эта мысль не вызвала у меня никакого отторжения. Видимо, влияние сознания Копьёва было достаточно сильно, и это позволило принять окружающую меня действительность.

Из ямы, в которой меня засыпало близким взрывом бомбы, я, хоть и с трудом, но всё же выбрался. Моему взору предстала картина полного разгрома. Повсюду дым, несколько горящих самолётов, в которых я узнал И-16, чуть в стороне — торчащие в разные стороны брёвна от разрушенной прямым попаданием авиабомбы землянки. И бегущая прямо по взлётному полю к лежащему рядом с перевёрнутой зениткой расчёту молодая девчонка в белом халате.

Откуда-то сверху-сзади сквозь нарастающий рёв авиационного двигателя раздалась длинная пулемётная очередь, и фонтанчики земли побежали наперерез бегущей. Вот их пути пересеклись, и из груди медсестры вырвались брызги крови. Девушка упала как срезанный цветок. И тут же надо мной пронёсся самолёт с крестами на крыльях. «Мессер».

— Лида! — вскрикнул я и тут же осёкся.

Откуда я знаю, как её зовут? Прислушавшись к себе, понял, что знаю. Это Лида Мишанова, наша медсестра. И похоже, Копьёв неровно дышал в её сторону.

Видимо, память хозяина этого тела постепенно раскрывается для меня, становясь моей собственной. И одновременно с осознанием этого меня буквально затопила необузданная ярость. Нужно было что-то делать, и я осмотрелся.

Совсем рядом под маскировочным навесом стоял истребитель Як-1. Перед самой войной их в полк прислали четыре штуки, остался один. Это был самолёт командира первой эскадрильи капитана Сысоева. Сам капитан сидел в кабине, неестественно откинувшись назад. Из виска у него текла кровь. Винт истребителя крутился на холостых оборотах, а значит, двигатель прогрет и машина готова к взлёту.

Решение пришло мгновенно. С разбега вскочил на крыло самолёта и попытался вытащить убитого капитана из кабины, но ничего не получилось.

— Ремни отстегни, раззява.

С другой стороны от кабины на крыло забрался полный дядька в таком же, как у меня, техническом комбинезоне. Старшина Федянин, подсказала память. Протиснувшись, отстегнул привязные ремни и ремни парашюта. Вдвоём мы вытащили тело пилота, и я тут же юркнул в кабину на его место. Пара секунд — и все ремни пристёгнуты.

— Куда, сопляк?! — перекрывая шум двигателя заорал старшина. — А ну брысь из машины!

— От винта! — проорал я в ответ и руками показал команду «убрать колодки».

Федянин на миг растерялся, но потом у него сработал рефлекс, и он выдернул из-под шасси колодки.

Даю оборотов двигателю и начинаю разбег почти поперёк полосы. По моим прикидкам, основанным на памяти Копьёва, для взлёта должно хватить. И вроде на пути воронок быть не должно. Во всяком случае, с крыла самолёта я их не видел. Ну, суки, молитесь. Сейчас я вам покажу, что такое русский ас!

Спросите, откуда я умею управлять истребителем военных лет и почему так уверен в себе? Так тут секрета нет. На соревнованиях во Франции я познакомился с владельцем летающей реплики истребителя Як-3. Ну и поспорили мы с ним, что если я выиграю соревнования, то он разрешит мне полетать на его самолёте, а если проиграю, то приглашаю его к себе в Россию и вожу по стране за свой счёт. Пари я выиграл и с удовольствием полетал на легендарном самолёте.

Так что в том, что смогу справиться с «яшкой первым», я был уверен. Был у меня, ну не знаю, талант, что ли, с первых секунд чувствовать даже незнакомую машину. Вот так сажусь в кабину, посижу, подвигаю рулями и элеронами — и всё, самолёт мне как родной. Мне и на И-16 довелось полетать, и на Р-39 «Аэрокобра», но уже в Америке. Там же близко познакомился с Ме-262. Правда, полетать на нём не дали, но хозяин разрешил посидеть в кабине, запустить двигатели и немного порулить по полосе. Заодно достаточно

подробно рассказал об устройстве кабины и об особенностях самолёта.

А у нас в России я летал на восстановленных Ил-2, По-2 и МиГ-3. Ощущения непередаваемые, когда ты вот так, в небе, соприкасаешься с великой историей своей страны.

Был у меня и ещё один талант. Я всегда попадаю в цель. ВСЕГДА! Хоть из пистолета, хоть из охотничьего ружья, хоть из бортового вооружения самолёта. Чувствую я, куда полетит пуля, снаряд или ракета, и ясно вижу ту точку пространства, где они встретятся с целью.

Как-то в сложный период, надумав увольняться из армии, я хотел было через своего знакомого устроиться к одному новому русскому личным пилотом. Денег там обещали платить очень даже немало, вот я и приехал к нему в загородный особняк для собеседования. А новый русский очень уж любил пострелять по тарелочкам. Вот и мне предложил пальнуть пару раз. Ещё и смеялся: мол, это тебе не сапоги топтать, это спорт, искусство, можно сказать. Даже на деньги пострелять предложил. Надо было видеть лицо этого хозяина жизни, когда я, почти не целясь, навскидку перестрелял все выпущенные тарелки. Он ещё спросил, точно ли я лётчик или, может, спецназовец какой.

Увы, с работой тогда не сложилось. Взорвали моего несостоявшегося работодателя прямо в его машине. Зато за те пострелюшки я выиграл десять тысяч баксов, и они ой как сильно помогли нашей семье в тяжёлые времена.

Но что-то я отвлёкся, а истребитель тем временем, набирая скорость, уже катится по полю на виду у немецких стервятников. Буквально затылком чувю, как пара «мессеров» заходит на набирающий скорость истребитель. Хвост самолёта уже оторвался от земли, ещё чуть-чуть, ещё немного скорости, так необходимой для того, чтобы крылья получили опору в воздухе. И вот самолёт, что называется, встал на крыло. Тут же убираю шасси. М-да, а штурвал-то здесь довольно неудобный. Держать его надо двумя руками. Помнится, на реплике Як-3 ручка штурвала была другая. Может, новые и более удобные появились позднее?

Пулемётная очередь с «мессера» прошла точно по тому месту, где только что был я. Вот то-то и оно, что был. А теперь — тью-тью. Делаю резкий вираж влево и тут же возвращаюсь на прежний курс. Имея преимущество в скорости, немецкая пара пролетает надо мной, и ведущий на миг оказывается в перекрестье прицела.

Коротко рыкнули два ШКАС, вспарывая брюхо немца, и я тут же чуть доворачиваю, лоя в прицел ведомого. Новая очередь — и из-под капота «мессера» полыхнуло пламя. Ведущий, словно не веря судьбе-злодейке, на короткий миг застыл в воздухе, тут же свалился на крыло и врезался в первоклассный российский чернозём. Свою долю русской земли, обещанную их фюрером, этот уже получил. Думаю, что остался доволен. Хорошая здесь земля, плодородная. А теперь ещё удобрений добавится.

Чуть в стороне замечаю разворачивающуюся для атаки на меня любимого вторую пару. Кручу головой, осматриваясь. Больше «мессеров» нет, но имеется десяток Ю-87, выполняющих новый заход на штурмовку нашего аэродрома. Целый штаффель¹. Пока целый. Но с «лаптёжниками» разберёмся потом. Сейчас насущная проблема — это «мессеры».

Оба фрица полезли на высоту, чтобы оттуда, сверху, заклевать меня в своей излюбленной манере. Вот только лезть за ними следом я не собирался. Да и крутиться с ними в «собачьей свалке» тоже желания не было. Какой бы я ни был профессионал, но к машине надо привыкнуть получше. Одно дело — летать в мирном небе и совсем другое — в условиях, когда по тебе реально стреляют. Это, как говорится, две большие разницы.

Поэтому, набрав скорость, я чуть задрал нос самолёта и, взяв упреждение, дал короткую очередь из пушки. Я буквально кожей чувствовал, как 20-миллиметровые снаряды несутся наперерез ведущему «мессеру».

Есть! Горит, бубновый!

¹*Штаффель* — эскадрилья. Tактическая единица люфтваффе в количестве 9—10 самолётов.

Ведомый решил не искушать судьбу и, свалившись в пике, взял курс на запад, подымливая форсажем. Ну и фиг с ним. Тут ещё «штуки»¹ есть мне на закуску.

Пилоты на «лаптёжниках» тоже быстро поняли, что дело тут явно нечисто, и, вывалив остатки бомбового груза в чистое поле, развернулись восвояси. Вот только отпускать их никто не собирался. Тем более что тихоходные бомберы представляли собой прямо-таки учебную мишень. Они, конечно, начали огрызаться из турельных пулемётов, вот только расстояние для них было великовато. Для них, но не для меня.

Спокойно, как на полигоне, беру в прицел замыкающего и бью короткой очередью из пушки. С удовлетворением замечаю, как брызнуло в разные стороны остекление. «Юнкерс» уходит в своё последнее пике. Сразу же бью идущего рядом с ним. Похоже, попал в бензобак, потому что фриц полыхнул сразу и весь. Так же, словно в тире, расстреливаю ещё два «лаптёжника», когда правое крыло вдруг покрывается ровной строчкой пробоин. Резко даю ручку от себя и влево и вижу, как чуть в стороне промелькнул хищный силуэт «мессера». Похоже, зря я списал его со счетов. Фриц всё же решил вернуться и разделаться со мной.

Однако повторной атаки не последовало. Видимо, топлива у немца на дальнейший бой не осталось, и он, уже, похоже, окончательно, отправился к себе. Зато теперь будет хвастать, что сбил русского аса. А вот хрен ему. Машина слушается рулей, двигатель работает ровно. Жаль только, бомберы уже далеко ушли. Ну да ладно, пора и мне домой. И так неплохо их проредил. Три «месса» и четыре «юнкерса». Ха, неплохо. Да сейчас такого счёта и нет ни у кого.

Домой — это, конечно, громко сказано. И так почти всё происходило либо над аэродромом, либо в пределах видимости. Улетел бы подальше и не факт, что нашёл бы дорогу назад. А вообще, странное дело: я совсем освоился в этом теле и в этом времени. Во всяком случае, никакого дис-

¹«Штука», *Sturzkampfflugzeug* — пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» («Лаптёжник», Ю-87).

комфорта от произошедшего я не испытывал. Всё воспринималось абсолютно естественно и... с какой-то эйфорией. Ну так ещё бы. Скинуть больше тридцати лет — это у кого угодно вызовет эйфорию.

А вот и аэродром. Ёшкин дрын! А куда садиться-то? ВПП украшена несколькими воронками, там, где я взлетал, догорает сбитый мной «сто девятый». Проношусь над полем и ухожу на второй круг. Попробую сесть рядом с взлёткой.

Стоило только мне начать снижаться, как кто-то на поле выпустил ракету параллельно земле как раз в том направлении, куда я и собирался садиться. Ну что же, другого выхода всё равно нет. Выпускаю шасси, и вот машина уже бежит по выжженной солнцем траве. Замечаю машущего руками старшину Федянина, показывающего, куда заруливать. Следую его указаниям и выключаю двигатель.

В наступившей тишине слышно, как потрескивает, остывая, перегретое сердце истребителя. Ё-моё! Только сейчас замечаю, что комбинезон на мне насквозь мокрый от пота, да и такая слабость навалилась, словно вагон угля в одиночку разгрузил. Похоже, откат наступил.

Кое-как собрался с силами и сдвинул назад фонарь кабины. В нутро самолёта тут же ворвался весёлый ветерок, несущий поток живительной прохлады, впрочем, изрядно сдобренной запахом гари, перегретого двигателя и ещё чего-то неуловимого, что чувствуешь лишь на войне.

С удивлением посмотрел на свои руки, их заметно трясло. И это не реакция моего сознания, это реакция тела. Сознание у меня абсолютно спокойно. Я хоть и не воевал реально, но всю свою жизнь к этому готовился, а вот тот паренёк, чьё тело мне досталось, такого опыта не имел. Нет, Родину защищать, а если надо, то и умереть за неё, он, как и подавляющее большинство людей этого времени, был готов, но моего багажа знаний и опыта у него всё же не было.

М-да, а приложило меня неслабо. Попытался дрожащими руками отстегнуть ремни — ничего не получилось. Без сил откинулся на бронеспинку.